

Особенности эпистолярных рассказов В.В. Набокова

Гордиенко Александра Михайловна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Среди рассказов Владимира Набокова есть только два, написанные в форме письма: «Адмиралтейская игла» (сборник «Весна в Фиальте») и «Письмо в Россию» (сборник «Возвращение Чорба»). Говорить о типологических чертах эпистолярного рассказа у Набокова вряд ли возможно, опираясь на столь узкий материал. Но некоторые особенности проследить можно. Несомненно сходство этих текстов: они содержат традиционные маркеры эпистолярного жанра (обращение к конкретному адресату, повествование от первого лица), повествователь – писатель, адресат – женщина, с которой герой был разлучен много лет назад, основная тема письма – апелляция к общим воспоминаниям. Но отношение повествователя и к событиям, и к адресату в текстах различно, что становится ключевым моментом в построении структуры рассказа.

Начало рассказа «Адмиралтейская игла» нестандартное. Приветствие отставлено на целый абзац, в отличие от «Письма в Россию» (где первая фраза называет и приветствует адресата). Псевдоофициальное обращение «милостивая государыня» обозначает пол и намечает раздражительно-негативный тон. Повествователь противопоставляет себя «госпоже Сергею Солнцеву», которая тщетно пытается скрыться за мужским псевдонимом, но «фразы, запахивающие налево» с головой выдают горе-мистификаторшу. Таким образом, формируется оппозиция, на которой и строится весь текст: от диссонанса «условной изобразительности» пошленького романа и прекрасной реальности до самого главного несоответствия, раскрывающего карты повествователя – страха, что эта самая писательница-дилетантша и есть его первая любовь.

В «Адмиралтейской игле» наличествует рамка, которая образуется первым абзацем и последним предложением. Мысль о несомненной идентификации автора романа как той самой первой любви как бы приходит постепенно, вначале же герой обращается к своему коллеге, пусть и не очень талантливому. К концу рассказа становится понятно, что вся первая половина письма (где повествователь обращается к писательнице, а не к Кате) была написана с уверенностью в истинной природе адресата. И последняя фраза звучит совсем не искренне. Герой не подписывается, лелея слабую надежду, что он все же ошибся.

«Письмо в Россию» – это почти стихотворение в прозе, лирическая зарисовка, единственный сохранившийся фрагмент так и ненаписанного романа «Счастье» [Долинин: 24]. Начинаясь с обращения, текст содержит отсылки к предыдущим якобы существующим письмам, но буквально в третьем абзаце повествователь полностью погружается в свой внутренний мир, пытаясь раскрыть его милой адресатке, разлука с которой длится уже более восьми лет. На отрывочность и фрагментарность текста указывают явные маркеры и отсутствие обозначенного конца: прощания или подписи. Как и в предыдущем рассказе, повествователь апеллирует к обоюдным воспоминаниям, которые и составляют первую часть. И хотя он пытается не погружаться в прошлое («не о прошлом, друг мой, я хочу тебе рассказывать» [Набоков 2004: 159]), состояние, в котором находится герой, является логичным следствием этих воспоминаний.

Герой-повествователь «Письма в Россию» – один из немногих героев Набокова, который вдали от России и от любимой женщины сумел почувствовать себя счастливым. И не живя в прошлом, а наслаждаясь настоящим, тем, что его окружает: ночной улицей, скрежетом ключа, «хохочущем всеми окнами поездом», он находит что-то, что дарит ему счастье, счастье созерцания и ощущение полноты бытия. История старушки, покончившей с собой на могиле недавно умершего мужа, не вызывает в

повествователе негативных эмоций. Он увидел «детскую улыбку смерти», в которой нет ничего зловещего. Перед ним приоткрылась завеса тайны, герой почувствовал естественность произошедшего, это была «легкая и нежная смерть», которая дала ему ощущение счастья, запретного и вызывающего, среди многих, рассуждающих о моде и нравах, среди тех, кто представляет собой всего лишь усредненную безликую массу. Ср. в «Адмиралтейской игле»: раздавленная автобусом кошка поразила героя каким-то сокровенным смыслом, который вскоре улетучился и стерся, ибо ему не дано было приоткрыть лазейку в потусторонность. Обыватели не волнуют писателя, он так беззаботен (пошлость и обыденность его действительно не заботят), что даже иногда снисходит до них, он любит смотреть, как они танцуют в кабаках, зная, что за дверью ждет неповторимый и только ему раскрытый мир берлинской ночи.

Интересно, что в отличие от «Адмиралтейской иглы», сюжетобразующим звеном в рассказе является не оппозиция, а гармоничность и слиянность, начиная от общих воспоминаний повествователя и адресата, и заканчивая ощущением, господствующим в мировосприятии героя, ощущением разлитого в мире счастья, вечного и открытого лишь ему одному.

Форма рассказа-письма диктует писателю определенные каноны и условности, но, в то же время, открывает поле для экспериментов. Непосредственное раскрытие перед читателем сознания повествователя и псевдоустановка на честность соблазняет Набокова на мистификации и игру с искренностью. Эпистолярный жанр формирует дополнительный пласт иллюзии коммуникации с читателем, который наслаивается на структуру рассказа и усложняет и умножает возможности прочтения.

Литература

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 1. СПб., 2004. Т. 3. СПб., 2001.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // *Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 9–25.

Левинг Ю. Примечания // *Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб., 2001. С. 778–826.